

Когда оставалось четыре минуты, Лу Синьцы закончил с упражнениями.

Чуть позже остальные ученики, искавшие ответы в телефонах, кое-как доделали одну главу. Они сфотографировали свои тетради, создали чат для обсуждения и начали скидывать туда ответы в дружной и весёлой атмосфере.

Когда учитель химии вышел, он увидел аккуратную стопку тетрадей на полу, словно выставленную на смотр.

Его взгляд сначала скользнул по Лу Синьцы, а затем он оглядел остальных.

— Закончили?

Ученики один за другим кивнули. Учитель велел им выбрать кого-нибудь, кто отнесёт тетради в учительскую вместе со старостой.

— Если большинство ответов будут правильными, я сочту, что вы хорошо усвоили материал, и прощу вам прогул. Но если ошибок будет слишком много, вам придётся переписывать всю теорию, как и договаривались.

— Спасибо, учитель! — поспешно сказали несколько девушек.

— Можете входить, — учитель посторонился. — Но в следующий раз такого не будет. И чтобы на моих уроках больше не пропадали.

Войдя в класс, Сун И отвинтил крышку бутылки с водой, стоявшей на его столе, и сделал большой глоток. Дуань Цзяян в это время искал пауэрбанк, как вдруг услышал вздох Сун И.

— Я думаю, староста всё-таки неплохой парень.

— Ты разве не всегда так думал? — не поднимая головы, спросил Дуань Цзяян.

— Это другое. Раньше на мне были «фанатские очки». Его внешность, плюс аура отличника... я просто восхищался им как божеством. Но после всего, что произошло в последнее время, я действительно думаю, что он хороший человек.

Дуань Цзяян не ответил.

— Дружище, он тебе всё ещё не нравится?

Сун И повернул голову и увидел, что Дуань Цзяян нашёл свой пауэрбанк. Он подключил к нему телефон и, словно что-то вспомнив, лениво скривил губы.

Сун И услышал уклончивый ответ Дуань Цзяяна:

— Да так себе.

В пятницу вечером, когда Лу Синьцы вернулся домой, его мать Цзян Яо только что закончила партию в маджонг с подругами-богачками и теперь распорядилась, чтобы горничная убрала со стола.

Увидев Лу Синьцы, одна из женщин сказала:

— Синьцы так вырос!

— Какой красивый ребёнок, весь в мать.

— И учится хорошо, да? Я слышала от нашей Юаньюань, что на последних совместных экзаменах Синьцы занял первое место в Нинчэне, — одна из дам с улыбкой, в которой смешивались зависть и лесть, обратилась к Цзян Яо. — Как вам удалось его так хорошо воспитать?

— Я его почти не воспитывала, — улыбнулась Цзян Яо. — Он сам рано повзрослел.

Цзян Яо была стройной и элегантной, с утончёнными чертами лица. Если бы не мелкие морщинки в уголках глаз, никто бы не сказал, что она женщина её возраста.

Проводив подруг, Цзян Яо повернулась к Лу Синьцы. Она уловила слабый запах табака, исходящий от него, и нахмурилась.

— Ты курил?

— Ходил в интернет-кафе, — ответил Лу Синьцы. — Не курил.

— Понятно, — сказала Цзян Яо. — Твоя бабушка вчера упала. Сейчас она в больнице Наньшань.

Лу Синьцы на мгновение замер.

— Серьёзно?

— Ничего серьёзного. Я сегодня её навещала, она в хорошем настроении. После выходных её выпишут домой, — Цзян Яо передала слова бабушки. — Она сказала, что скучает по тебе. Если будет время, съезди к ней в Наньшань.

— Хорошо, — кивнул Лу Синьцы. — Тогда завтра поеду.

— Мне поехать с тобой?

— Не нужно, у тебя ведь завтра дела? Я как раз побольше поговорю с бабушкой.

Он только успел положить рюкзак, как увидел, что Цзян Яо смотрит на него с улыбкой.

— В школе есть что-нибудь новенькое?

— Вроде нет, — тоже улыбнулся Лу Синьцы. — А что считается новеньким?

Видя его спокойствие, Цзян Яо поняла, что сплетни, которые до неё дошли, были всего лишь слухами. Успокоившись, она решила пошутить:

— Например, не встречал ли ты в последнее время красивых Омег?

Она спросила просто так. Лу Синьцы с детства видел множество Омег, но она ни разу не замечала, чтобы её сын кем-то заинтересовался.

Но, задав вопрос, она увидела, что Лу Синьцы молчит.

— Неужели нашёлся кто-то, кого ты считаешь красивым? — с любопытством посмотрела на него Цзян Яо.

В его сознании мелькнул один образ.

— Вроде того, — уклончиво ответил Лу Синьцы.

Ещё несколько дней назад этот человек не был Омегой.

Цзян Яо тут же оживилась.

— Если считаешь его красивым, попробуй пообщаться поближе. Твой отец смог завоевать меня только потому, что постоянно мелькал у меня перед глазами...

— Мам... — Лу Синьцы не знал, смеяться ему или плакать. Он всего лишь сказал «красивый», а она уже...

Видя, что мать уносит всё дальше и дальше, Лу Синьцы нашёл предлог:

— Я пойду в душ.

Цзян Яо с сожалением отпустила его.

Суббота. Больница Наньшань.

Дуань Цзяян приехал с Фу Юань навестить Хэ Юньшэня. Хотя Фу Юань и Хэ Чэн были женаты, из-за работы они жили порознь, и только недавно Хэ Чэн с сыном перебрались в Нинчэн.

Фу Юань была Омегой, вступившей в повторный брак. Врачи говорили, что слабое здоровье Хэ Юньшэня во многом было связано с тем, что она однажды смыла метку. Из-за этого Фу Юань

постоянно чувствовала вину перед младшим сыном.

У Хэ Чэна и Фу Юань внезапно появились дела, и им пришлось ненадолго отлучиться. Фу Юань попросила Дуань Цзяяна присмотреть за Хэ Юньшэнем. Мальчик постоянно капризничал и просился на улицу, и Дуань Цзяяну ничего не оставалось, как вывезти его в инвалидной коляске в сад при больнице.

— Братик, я хочу ледяную колу.

— Нельзя. Настоящие мастера колу не пьют.

— ...

— И не смотри на меня так, не поможет, — Дуань Цзяян присел на корточки и, глядя мальчику в глаза, с напускной серьёзностью сказал: — Твой брат — человек с каменным сердцем.

— ... — Хэ Юньшэнь надул губы и умоляюще потянул его за край одежды.

Дуань Цзяян выдержал его взгляд секунд десять и сдался.

— Я куплю тебе, но только комнатной температуры. И ты сможешь выпить всего один глоток, — Дуань Цзяян помахал перед его носом одним пальцем. — Если выпьешь больше, твой папа рассердится и отшлёпает тебя вечером, понял?

— Понял! — радостно воскликнул Хэ Юньшэнь. — Братик, ты самый крутой!

Эта похвала Дуань Цзяяну понравилась. Он уже собрался встать, как вдруг услышал смех.

Обернувшись, он увидел Лу Синьцы, стоявшего по другую сторону клумбы.

Сегодня на нём было белое худи и тёмные брюки — такой повседневный стиль ему тоже очень шёл.

Без школьной формы его фигура уже приобретала мужские очертания, и в нём удивительно гармонично сочетались зрелость и юношеская непосредственность.

Дуань Цзяян подумал, что Лу Синьцы смеётся над его наивными попытками успокоить ребёнка, и инстинктивно нахмурился.

— Ты что здесь делаешь?

— Пришёл навестить бабушку. Её позавчера положили, — Лу Синьцы сделал пару шагов вперёд. — Это твой брат?

Дуань Цзяян вспомнил, как по дороге в больницу Фу Юань жаловалась, что позавчера в Наньшань привезли какого-то важного гостя. Директор больницы не только лично его встречал, но и хотел освободить весь пятнадцатый этаж стационара. К счастью, сам пациент не

захотел поднимать шум, иначе этому сорванцу Хэ Юньшэню пришлось бы переезжать в другую палату.

Похоже, тем самым важным гостем была бабушка Лу Синьцы.

Неподалёку стоял торговый автомат.

— Можешь присмотреть за ним минутку? — кивнул Дуань Цзяян. — Я сбегаю за колой, быстро вернусь.

Услышав согласие Лу Синьцы, Дуань Цзяян ушёл. Когда он скрылся из виду, Лу Синьцы тихо спросил:

— Дуань Цзяян — твой брат?

Хэ Юньшэнь послушно кивнул. Лу Синьцы задумчиво посмотрел на лицо мальчика.

Когда Дуань Цзяян вернулся, в руках у него была бутылка колы комнатной температуры с уже открученной крышкой.

Он трижды повторил, что можно сделать только один глоток, и Хэ Юньшэнь послушно пригубил напиток.

Когда они стояли рядом, разница в их внешности становилась ещё более очевидной. Братья были совершенно не похожи друг на друга. Красота Дуань Цзяяна была яркой и вызывающей, в то время как Хэ Юньшэнь был бледным и хрупким, с довольно заурядными чертами лица.

— Мне проводить тебя наверх? — Дуань Цзяян посмотрел на телефон. Фу Юань только что прислала ему сообщение. — Твой папа уже вернулся, спрашивает, где ты.

— Братик, ты останешься на обед?

— Нет, я... — заметив разочарование в глазах Хэ Юньшэня, Дуань Цзяян взглянул на Лу Синьцы и, проявив смекалку, нашёл предлог: — Я иду гулять с одноклассником, не смогу с тобой пообедать.

Лу Синьцы, видимо, понял отношения между братьями. Видя, что Дуань Цзяян использует его как прикрытие, он решил подыграть и кивнул.

— Тогда, братик, ты придёшь ко мне на следующих выходных? — спросил Хэ Юньшэнь.

— Вряд ли, — честно ответил Дуань Цзяян.

— Папа сказал, что купил большую квартиру рядом с твоей школой, — почти шёпотом произнёс Хэ Юньшэнь, словно что-то поняв. — Когда меня выпишут, мы переедем туда. Тогда мы сможем обедать вместе.

— Братик, возможно, со следующего месяца переедет в общежитие, — помедлив, сказал Дуань Цзяян. — Я не смогу жить с тобой. Ты ведь знаешь, кто такие старшеклассники? У нас очень много уроков...

Хэ Юньшэнь был умным мальчиком. Боясь, что тот что-то заподозрит, Дуань Цзяян снова использовал Лу Синьцы как прикрытие.

— Спроси моего одноклассника, разве мы не тонем в море учебников каждый день? У нас даже в туалет сходить времени нет.

— Да, твой брат очень усердно учится, — с улыбкой подтвердил Лу Синьцы, видя, что тот приплёл даже учёбу.

Неожиданно, услышав это, Хэ Юньшэнь посмотрел сначала на него, а потом на Дуань Цзяяна.

И его глаза медленно покраснели.

Детское сердце часто бывает пронизательным и чувствительным, и он почувствовал, что Дуань Цзяян его отвергает.

Увидев его выражение лица, Дуань Цзяян растерялся и попытался его успокоить.

— Ну-ну, не плачь. Я же просто ставлю учёбу на первое место. Я на самом деле тоже хочу жить с тобой... Не плачь, не плачь, хорошо?

Хэ Юньшэнь обычно не плакал и не капризничал, а Дуань Цзяян не умел утешать детей. У него не было опыта. От его ласковых уговоров Хэ Юньшэнь не смог сдержаться и зарыдался.

Дуань Цзяян был застигнут врасплох. Он никак не мог понять, почему от его утешений Хэ Юньшэнь заплакал ещё сильнее. Он вспомнил, что скоро должен прийти Хэ Чэн. Если тот увидит, что он довёл Хэ Юньшэня до слёз, кто знает, что он подумает.

В отчаянии он умоляюще посмотрел на Лу Синьцы.

Лу Синьцы хоть и нечасто утешал детей, но у него были двоюродные братья и сёстры. Он помедлил, а затем мягко погладил мальчика по голове.

— Ну-ну, не плачь.

Хэ Юньшэнь зарыдал ещё громче.

Дуань Цзяян: !!!!

Он был на грани срыва.

— Лу Синьцы, ты можешь или нет? Он ещё сильнее плачет!

— ... — Лу Синьцы вдруг что-то понял, но грубое «можешь или нет» Дуань Цзяяна заставило уголки его губ дёрнуться.

— Есть один способ, не знаю, сработает ли, — внезапно сказал он. — Если я смогу его успокоить?..

— Если сможешь, я буду называть тебя отцом! — выпалил Дуань Цзяян, которого плач Хэ Юньшэня доводил до головной боли.

Сказав это, он тут же пожалел, но Лу Синьцы, взглянув на него, легко бросил:

— Ты сам сказал.

Он присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с Хэ Юньшэнем, и, словно делась секретом, что-то прошептал ему на ухо.

Хэ Юньшэнь замер, а затем поднял на Дуань Цзяяна заплаканные глаза. Глядя на него, он с усилием сдержал слёзы.

Дуань Цзяян с недоверием посмотрел на Лу Синьцы, желая узнать, какое тёмное колдовство тот применил к Хэ Юньшэню, как вдруг услышал торопливые шаги.

Увидев спешащего к ним Хэ Чэна, Дуань Цзяян поздоровался:

— Дядя Хэ.

— Врач сказал, ему нельзя есть эту дрянь... — Хэ Чэн забрал колу из рук Хэ Юньшэня. Он взглянул на Лу Синьцы и, заметив присутствие постороннего, тихо прошептал Дуань Цзяяну на ухо: — Он маленький, не понимает, но почему ты ему потакаешь?

— Простите, — растерянно пробормотал Дуань Цзяян.

Услышав его извинения, Хэ Чэн тоже замер.

— Это не так, папа, — вмешался Хэ Юньшэнь, почувствовав напряжение. — Я сам захотел колу.

— Я не виню тебя, — объяснил Хэ Чэн, видя, что Дуань Цзяян опустил глаза. — Просто врач сказал, что такие напитки очень вредны для его здоровья. Мы обычно не позволяем ему их пить. Я просто разволновался...

Дуань Цзяян кивнул.

В воздухе повисла неловкость.

— Твоя мама сказала, ты не останешься на обед? — спросил Хэ Чэн.

— Не останусь, я иду гулять с одноклассником. Дядя Хэ, поднимайтесь с Юньшэнем наверх.

— Тогда хорошо вам погулять, будьте осторожны.

Дуань Цзяян кивнул.

Когда они уходили, Хэ Юньшэнь в инвалидной коляске несколько раз обернулся. Увидев, что отец и сын ушли, выражение лица Дуань Цзяяна постепенно стало отстранённым.

Он снова вернулся к своему обычному развязному виду. Заметив, что Лу Синьцы смотрит на него, Дуань Цзяян лениво приподнял бровь и небрежно спросил:

— Что ты ему сказал? Сработало. Он сразу перестал плакать.

Взгляд Лу Синьцы скользнул по его лицу. Он слегка прищурился, и в его голосе послышались непонятные нотки:

— Я сказал ему, что если он будет плакать, его братик тоже заплачет.

— ... — Дуань Цзяян и не думал, что такой способ существует.

— И он перестал. Довольно послушный, — Лу Синьцы, словно что-то вспомнив, вдруг улыбнулся. — А ты? Не пора ли и тебе стать послушным?

— Что?

Видя, что тот напрочь забыл о своих словах, Лу Синьцы любезно предложил ему два варианта:

— Ты хочешь называть меня «отец» или «папа»?

«Я скорее хочу тебя убить», — подумал Дуань Цзяян.

— Я думаю...

— Я думаю, ты не станешь жульничать, — опередил его Лу Синьцы. — Правда?

Дуань Цзяян понял, что Лу Синьцы загнал его в угол. С таким упрёком он и вправду не мог отказаться от своих слов.

Но признать кого-то своим отцом — это было слишком. Под пристальным взглядом Лу Синьцы Дуань Цзяян пытался убедить себя, что это всего лишь слово, которое нужно произнести.

Бесчувственное обращение!

И всё!

— ...Б... — Дуань Цзяян пошевелил губами, но не смог выдать из себя ни звука.

Он покраснел до корней волос.

Лу Синьцы наклонился ближе, глядя на него.

Он и так был выше, а сейчас его взгляд казался почти осязаемым. В сочетании с холодным, отстранённым запахом Альфы это создавало явное ощущение угрозы.

— Ну же, — сказал он.

— Папа, — прошептал Дуань Цзяян почти неслышно.

— Ты что-то сказал? Я не расслышал, — Лу Синьцы небрежно поднял глаза. — Громче.

Дуань Цзяян тоже начал злиться.

— ...Папа! Лу! Па! Па! Папа, ты слышишь?!

— Слышу, — сказал Лу Синьцы, глядя на его разгорячённое лицо, и в его глазах промелькнула усмешка. — Повтори ещё раз, я запишу.

От автора: Не успел стать женой брата Лу, как уже стал его сыном.

<http://bllate.org/book/14653/1301074>